
МИЛАН МАРИКОВИЧ
МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО
4
СЕРДЦЕ СТАРОГО МИРА
ПОПАДАНЕЦ. ИНЖЕНЕР. НОВЫЙ МИР.
НАСТОЯЩИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Милан Марикович

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО.
Книга 4. Сердце старого мира

«Автор»
2026

Марикович М.

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО. Книга 4. Сердце старого мира / М. Марикович — «Автор», 2026

Алексей Лавров двадцать лет обследовал аварийные здания и знал: само ничего не ломается. Поэтому, очнувшись после обрушения в чужом теле, с чужими долгами и в мире, где воду запускают заклинанием, он первым делом спросил не «где я», а «кто менял настройки». Королевство Тарвен живёт на древней магической сети, которую никто не понимает: маги поют машинам Слова, гильдия бережёт свои тайны, а столица тихо выкачивает силу из провинций. Алекс не умеет колдовать. Зато он умеет мерить, считать, признавать ошибки и учить людей. Этого хватает, чтобы чинить невозможное: городской водопровод, дороги, которые исчезают с карт, систему, которую столица держит в кулаке. Только чем лучше он чинит, тем внимательнее за ним следят. Пять романов о мастере, который строит не чудеса, а сеть, где каждый город может выстоять сам. С юмором, инженерной смекалкой и командой, которой хочется доверить собственный дом.

© Марикович М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Дорога к сердцу 5
Глава первая. Туда, где никто не ходит 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО. Книга 4. Сердце старого мира

Часть первая. Дорога к сердцу

Глава первая. Туда, где никто не ходит

В Старую столицу не вела ни одна дорога. Я узнал это на третий день сборов, и это было первое, что меня по-настоящему испугало в Тарвене за полгода.

Не Ядро, которое трескалось над головой. Не Сыч с его добрыми глазами. Не совет, который проголосовал против меня. Не солёная буря, в которой погиб Степан. А обычная карта. Королевская. Новая. Которую Велар развернул на столе постоялого двора и долго разглядывал, прежде чем сказать:

— Здесь нет дороги.

Я посмотрел. Карта была подробная. Ветла вилась через всё королевство. Тракты, большие и малые, расходились от Ардаграда во все стороны, как спицы. Серый тракт — на запад, к Перевалу и Броду. Северный — к Серым холмам. Восточный — к Восточной плотине. Южный — к границе, к куполам.

А на западе, за Перевалом, за горами, там, где Ветла делала огромную петлю вокруг одинокого холма, — пустое место. Не белое. Серое. Заштрихованное мелкими косыми линиями. И в середине штриховки, мелко, как будто картограф стеснялся, — два слова.

«Старая столица».

Ни одной дороги туда. Ни тракта. Ни тропы. Ни пометки «опасно». Тракты подходили к краю штриховки и обрывались. Как обрывались бледные нити на скале над Перевалом.

— Почему? — спросил я.

— Потому что туда никто не ходит, — сказал Велар. — Двести лет. — Он помолчал. — А если никто не ходит, то зачем рисовать дорогу?

Это была, если подумать, совершенно безупречная логика картографии. В моём мире она работала так же. Белые пятна на картах были не там, где ничего нет. Они были там, куда никто не захотел идти. А если никто не идёт, то и рисовать незачем. А если не нарисовано, то никто и не пойдёт. Замкнутый круг. Порочный шар, как сказал бы я в Кривобродске.

Двести лет Старую столицу не рисовали, потому что туда не ходили. И не ходили, потому что не нарисовано.

— Значит, нарисуем, — сказал я.

— Кто?

— Мы, — сказал я. — По дороге. Колесом. Как на тракте.

Грим, сидевший за столом над книгой долгов, поднял голову.

— Колесо осталось на Перевале, — сказал он. — У Митяя. Он им теперь станции проверяет.

— Сделаем новое.

— Новое, — повторил Грим. И записал в книгу. — Колесо мерное, одно. Штырь. Трещотка на двадцать зубцов. Вторая стрелка. — Он посчитал. — Полторы марки. Опять минус.

Сборы заняли неделю.

Это было похоже на сборы в Кривобродске, когда мы уезжали на Серый тракт. Только теперь собирались не в незнакомое, а в никуда. На тракт хотя бы вела дорога. Пусть шалящая, пусть с Бабкиными камнями и Туманной падью. Но дорога. Здесь не было ничего.

Первым вопросом был: кто едет.

Ирма — без вопросов. Она сказала это в первый же вечер, когда я положил на стол пергамент Севериана. Посмотрела на круг с семью кругами внутри и сказала: «Я». Не «можно мне». Не «а ты возьмёшь?». Просто: «Я». И кафедра поточных приборов в Академии, на которую она теперь ходила по четвергам, получила записку: «Кафедра закрыта до возвращения. Чертежи — у Тихона, Кожевенный спуск. Ирма Таль».

Магистр Аст, получив записку, по словам служителя, долго смеялся. Потом приписал внизу: «Принято к сведению». И повесил её на дверь кафедры.

Грим — без вопросов. Кто-то должен считать. Минусы сами себя не посчитают.

Велар — тоже. Но с бумагой.

— Инспектор сети, — сказал он, раскладывая на столе свои четыре печати, — обязан проверять исполнение договора на всех узлах королевства. Пункт третий положения об инспекции сети. — Он помолчал. — Старая столица находится на территории королевства. На пергаменте архимага там обозначено сердце сети. Следовательно, сердце сети является узлом. Следовательно, инспектор сети обязан его проверить.

— Ты сам составил этот пункт?

— Сам, — сказал Велар. — Вчера. Ночью.

— Это же нарушение разделения полномочий.

— Нарушение, — согласился Велар. — Но кто ещё прочитает его до конца?

Я посмотрел на него с восхищением. Велар Норн, который полгода назад признал мой журнал дневником из-за буквы «ж», теперь сам составлял пункты под нужную ему экспедицию. В моём мире это называлось «правовым творчеством». И считалось высшим пилотажем. Обычно им занимались юристы с огромными гонорарами. Велар занимался бесплатно. По ночам. С удовольствием.

Четыре печати на его поясе позвякивали при каждом шаге. Грим сказал, что теперь Велара слышно за версту, как корову с колокольчиком. Велар сказал, что это не колокольчик, а символ полномочий. Грим сказал, что корова тоже так думает.

Параграф, услышав разговор, фыркнул. Грим потом клялся, что это был смех.

Рута пришла на четвёртый день.

— Я с вами, — сказала она с порога.

— Рута, — сказал я, — вам надо в Кривобродск. Вы капитан стражи. Мэр дал отпуск на месяц, а прошло три.

— Мэру я написала, — сказала Рута. — Он ответил, что, если я привезу обратно Сыча, он даст мне отпуск ещё на год. — Она помолчала. — Сыч сказал: сердце там, где река делает петлю. Значит, Сыч пойдёт туда. — Пауза. — Я его упустила. Через петли. Я его найду.

— А если не найдёте?

— Найду, — сказала Рута Кремень. — Сначала разберусь, где он. Потом задержу. — Она посмотрела на меня. — Новый порядок. Пункт одиннадцатый.

Мокрицын, стоявший за её спиной, тихо кашлянул.

— Капитан, — сказал он. — А кто будет со мной… — Он запнулся. — На столичном узле. Я привык, что вы рядом.

Рута посмотрела на него. Долго. Без улыбки. Рута никогда не улыбалась.

— Ипполит, — сказала она. — Ты теперь смотритель. Тебя назначил король. С двадцатью минутами на размышление. — Пауза. — Тебе больше не нужен капитан стражи у двери. Тебе нужна дверь. Своя.

Мокрицын смотрел на неё. Потом медленно кивнул.

— Своя дверь, — повторил он. — Да. — Он помолчал. — Я поразмышляю об этом. Завтра. С шестого удара.

— Двадцать минут, — напомнила Рута.

— Двадцать, — согласился Мокрицын. — Я наконец знаю, о чём размышлять лишние пять.

Ремез не ехал.

Он пришёл проводить. С папкой. С переносной моделью под мышкой.

— Столичный узел, — сказал он. — Транзит. Сто три трубы. Двенадцать куполов. Регуляторы, которые надо переделать. — Он помолчал. — Если я уеду, Мокрицын будет записывать, сколько пришло, и ни один человек не будет понимать, что с этим делать.

— Знаю.

— Я хочу поехать, — сказал Ремез. По-русски. Тихо. — Правда хочу. Сердце. Протокол. «Ждёт того, кто строит, как строили мы». — Он посмотрел на пергамент на столе. — Я три года строил не так. Мне надо увидеть, как надо.

— Увидишь, — сказал я. — Я пришлю. Через камень. Если там есть камень.

Ремез посмотрел на меня. Потом засмеялся.

— Позвоните, — сказал он. — Через узел. Как с Улькой. — Он помолчал. — Если связь будет. Если нет — я сам приеду. Через полгода. Когда регуляторы будут готовы.

Он отдал мне свёрток. Небольшой. Тяжёлый.

— Пельмени, — сказал он. — Попытка пятьдесят четыре. Замороженные. В соли. Бродской. Держатся неделю. — Он помолчал. — На дорогу.

Король пришёл в последний вечер. Без свиты. С двумя гвардейцами у ворот, которых он, как всегда, оставил снаружи.

Он сел за стол. Посмотрел на пергамент. На карту Велара с серой штриховкой. На наши мешки у стены.

— Я хотел бы поехать с вами, — сказал Лоран.

— Вам нельзя, ваше величество.

— Мне нельзя, — согласился король. — Мне ещё два года нельзя почти ничего. — Он помолчал. — Но я хотел бы.

Он достал из кармана камзола предмет. Маленький. Медный. Круглый. С крышкой. С короной на крышке.

Компас.

— Это прадеда, — сказал король. — Лорана Первого. Он единственный из королей ездил в Старую столицу. Сто восемьдесят лет назад. Когда там ещё что-то было видно. — Он положил компас на стол. — Вернулся через месяц. Ничего не рассказал. Только записал в дневнике одну фразу.

— Какую?

Король посмотрел на меня.

— «Оно слушает», — сказал он. — Больше ничего. Ни что слушает. Ни кого. — Он помолчал. — Дневник у меня в библиотеке. Я его читал сто раз. Там больше ничего про Старую столицу нет. Только это. «Оно слушает».

В комнате стало тихо.

— Компас показывает на север, — сказал король. — Как все компасы. Но прадед написал на крышке изнутри. — Он открыл крышку. На внутренней стороне, мелко, процарапано: «Если стрелка перестанет дрожать — ты пришёл». — Король закрыл крышку. — Я не знаю, что это значит. Может, вы узнаете.

Он встал. Пошёл к двери. Остановился.

— Мастер, — сказал он, не оборачиваясь. — Мне шестнадцать. Через два года я смогу голосовать. — Пауза. — Вернитесь к тому времени. Мне нужен будет кто-то, кто объяснит, за что.

— Вернусь, ваше величество.

— И ещё, — сказал король. — Возьмите Параграфа. Он восстановлен в должности. С двойной порцией овса. — Он помолчал. — Пожизненно. Я хочу, чтобы это «пожизненно» было долгим.

Последним было письмо от Тессы.

Его привёз Бугай, как всегда, с последним обозом. Сводка номер девять. Я развернул его на крыльце, при свете фонаря.

«Сводка номер девять. Мастерская.

Все шесть отсеков открыты. По кругу. Вздохов нет. Совсем. Узел под палатой отдаёт одну двадцатую. Я считаю каждый день. Фаддей проверяет. Сенька записывает. Дядя Фрол снова поёт машине песню про рыбу.

Камень больше не плачет.

Папа говорит, вы ему за капусту всё ещё должны. Я сказала, что вы спасли королевство. Папа сказал, что королевство — это королевство, а капуста — это капуста.

Мастер. Пришло письмо. С Восточной плотины. Это далеко, на востоке, на большой реке. У них узел. Тоже трещит. Как наш раньше. Они слышали, что в Кривобродске девочка открыла отсеки по кругу. Они спрашивают, не приеду ли я. Посмотреть.

Мне четырнадцать. Месяц назад исполнилось.

Папа сначала сказал нет. Потом сказал, что поедет со мной. Потом сказал, что лавку бросить нельзя. Потом сказал, что раз мастер может бросить мастерскую, то и он может бросить лавку на маму.

Фаддей сказал, что посмотрит за мастерской.

Я поеду.

Я не спрашиваю. Я сообщаю. Как вы учили. Пункт одиннадцатый: если местные условия требуют — смотритель может.

Тесса Рун. Принято к исполнению.

Приписка. Если вы скажете, что неправильно, — я всё равно поеду. Но запишу почему».

Я дочитал. Сложил. Сидел на крыльце долго.

Ирма вышла. Села рядом.

— Тесса? — спросила она.

— Тесса.

— Что пишет?

— Едет на Восточную плотину. Одна. С отцом. Там узел трещит. — Я помолчал. — Она не спрашивает. Она сообщает.

Ирма посмотрела на меня. Долго. Потом улыбнулась.

— Ты этого хотел, — сказала она.

— Хотел, — сказал я. — Систему, которой не нужен мастер. — Я помолчал. — Я просто не думал, что система будет ездить на другой конец королевства в четырнадцать лет. С Корнеем.

— С Корнеем — это уже не страшно, — сказала Ирма. — С Корнеем страшно только капусте.

Я засмеялся. Первый раз за вечер.

На Восточной плотине, вспомнил я, был номер два в реестре «Призыва». Фрося Кокорина. Прачка. Пятнадцать лет назад. «Прибытие: не состоялось. Носитель утрачен».

Не утрачен. Перехвачен. Камнем у плотины.

Тесса этого не знала.

Я взял лист и написал ответ. Один. Короткий.

«Тессе Рун. Восточная плотина.

Правильно.

На плотине может быть человек. Женщина. Пятнадцать лет назад пришла оттуда же, откуда я. Может быть, говорит странными словами. Если встретишь — скажи ей: Ты не одна. Она поймёт.

Мастер».

Отдал Бугаю. Бугай убрал за пазуху. Бережно. Как всегда.

Мы выехали на рассвете. На запад. Через Средний ярус, через Нижний, мимо Кожевенного спуска, где Онисим стоял у колодца с палкой и махал нам. Мимо Матрёны с вёдрами. Мимо Дуни с Феней на руках. Феня махала ладошкой и что-то кричала. Я не разобрал что.

Через ворота. Под короной. Под мечом и ключом. Под башней с восемью лучами, приписанной снизу, — лучи теперь не горели.

Аванс шёл впереди. Всегда вперёд, никогда не возвращаясь. Параграф — рядом, согласно маршруту, с двойной порцией овса в торбе. Рута ехала на своей крестьянской лошади сзади. Велар звенел печатями. Грим считал. Ирма сидела рядом со мной на телеге со стеклом на коленях.

Я открыл компас Лорана Первого. Стрелка показывала на север. И дрожала. Мелко. Постоянно. Как дрожала стрелка Велара на тракте после того, как Ремез развернул камни.

«Если стрелка перестанет дрожать — ты пришёл».

Ночью, у костра, в первый день пути, я записал:

«Журнал. Дорога на запад. День первый.

В Старую столицу не ведёт ни одна дорога. На королевской карте — серая штриховка и два слова. Двести лет не рисовали, потому что не ходили. Не ходили, потому что не нарисовано.

Значит, нарисуем. Колесом. Грим: Полторы марки. Опять минус.

Ирма — без вопросов. Кафедра закрыта до возвращения. Аст: Принято к сведению.

Велар — по пункту, который сам составил ночью. Четыре печати звенят. Грим: Как корова с колокольчиком. Параграф фыркнул.

Рута — за Сычом. Сначала разберусь, где он. Потом задержу. Новый порядок. Мокрицыну: Тебе больше не нужен капитан у двери. Тебе нужна своя дверь.

Ремез остаётся. Столичный узел. Дал пельмени, попытка пятьдесят четыре. В бродской соли. Позвоните через узел.

Король дал компас Лорана Первого. Единственный король, бывший в Старой столице. Сто восемьдесят лет назад. Вернулся молча. В дневнике одна фраза: Оно слушает. На крышке изнутри: Если стрелка перестанет дрожать — ты пришёл.

Стрелка дрожит.

Тесса едет на Восточную плотину. Одна. С Корнеем. Я не спрашиваю. Я сообщаю. Если скажете неправильно — всё равно поеду. Но запишу почему.

На плотине — номер два. Фрося Кокорина. Пятнадцать лет. Перехвачена.

Написал Тессе: Правильно. Если встретишь женщину, которая говорит странными словами, — скажи ей: «Ты не одна»».

Я закрыл журнал. Костёр трещал. Рута сидела на краю света, лицом в темноту, с дубинкой на коленях. Велар спал, не снимая печатей. Грим считал во сне — я видел, как шевелятся его губы.

Ирма лежала рядом, завернувшись в плащ. Не спала.

— Оно слушает, — сказала она тихо. — Что слушает?

— Не знаю.

— А если оно слушает нас? Сейчас?

Я посмотрел в темноту. На запад. Туда, где за горами, за Перевалом, за сотнями вёрст, река делала петлю вокруг холма.

— Тогда пусть слушает, — сказал я. — Нам нечег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.